

Петрова Анна

г. Ярославль, ГОУ ЯО СШ «Провинциальный колледж», 11 класс

Рецензия на спектакль драматического театра им. Ф.Г. Волкова

«Обломов», И. Гончаров

Режиссёр – Анджей Бубень, художник-постановщик – Оганес Айрапетян

Авва Отче! всё возможно Тебе;
пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты.

Анджей Бубень – желанный гость в Ярославле, где с успехом идёт его второй спектакль, поставленный на материале «Отцов и детей». Сейчас режиссёр всё так же выбирает большой роман второй половины 19 века, наверное, потому, что видит в этой прозе спокойствие и благочинность русского дворянства, когда ещё не было никакого дурного предчувствия насчёт века 20-ого, как у А.Чехова в «Вишнёвом саде». Нам привычен и знаком, даже комфортен образ Ильи Ильича из школьной программы, в нашей общей памяти сохранены: тот самый диван, тапочки, неизменный халат, кажется, что отказаться в постановке хотя бы от одной подобной детали будет ошибкой, но Бубень нещадно текст крошит, вырезает и склеивает кадры словесной плёнки в нужных местах. Да так, что спектакль получается вовсе не про Обломова, а про отношения его с миром, мечтой и с Ольгой, конечно, с Ольгой.

Casta diva её настоящая, сильная, оперная, такая, что Илья Ильич, в исполнении Ильи Коврижных, совсем робеет, теряет всякое равновесие, тон, цвет лица – таковы и будут их отношения. Бубень воздействует на нас волнообразно: от момента великой веры в любовь до прощального письма проходит не более пяти минут, поэтому спектакль не успевает наскучить. Зрителю даны и пища для размышления, и время на то, чтобы ее переварить.

В момент последней встречи герои контрастны. Всегда лёгкая, белоликая Ильинская таковой и остаётся, в то время как Обломов совершенно чернеет,

усаживаясь на стул, окончательно превращается в точку, которую Ольга может лишь пожалеть в последний раз и спросить: «Что же сгубило тебя, Илья Ильич?»

Герои расходятся, и путь в мир мечты - с женой, послеобеденным чаем, запахом новых книг, хлопотами деревенской жизни - для Обломова оказывается закрыт навсегда. Тут, в зрительном зале, за моей спиной кто-то шёпотом говорит: «Зато честно». Думаю, что точнее сказать и нельзя.

В спектакле ни разу не упоминается расхожее выражение, о том, что душа у Ильи Ильича голубиная, но оформление спектакля только об этом и говорит. Трепет крыльев в финале, птицы в доме Агафьи Матвеевны (исключительно в клетках), голуби, слетающие с картин, когда Обломов влюбляется, да и сам халат Ильи Ильича, который можно воспринять как крылья не до конца раскрывшиеся.

Халат остаётся единственной канонической деталью образа Обломова, ведь у него не остаётся даже дивана, а с первых минут Илья Ильич подвижен внешне, он с лёгкостью может забраться на крышу своего домика, данного ему вместо дивана. На крыше убежища разостланы книги Байрона, Шиллера, Гёте, Платона, они не сколько формируют мир героя, сколько программируют эпоху, в которой он находится. Вернёмся всё же к халату. Он же не только крылья, но и смиренная рубашка, и силок, в который будет поймана хрустальная душа героя, потому что внешней подвижности оказывается недостаточно.

В доме Агафьи Матвеевны, тонко и трагически сыгранной Еленой Шевчук, Илью Ильича поглощает чрево, он вязнет в болоте женской заботы, перестаёт двигаться, оседает на стуле, начинает выпивать, а его книги забыты в углу, там же он оставляет и свои мечты.

Вдова Пшеницына, словно хищник, выслеживает добычу, мизансцена выстроена так, что актриса всегда ходит за спиной у главного героя, в этом есть что-то inferнальное, животное, по-настоящему страшное. По сцене

расставлены ядовито-розовые герани, заполняющие пространство, в какой-то момент мы замечаем, что на Обломове снова надет халат, скинутый будто бы навсегда при Ольге, да не просто надет, а зашит, отглажен, теперь почти новый. Теперь он уже не отпустит, так же как и Агафья Матвеевна с её детьми-картонными фигурами, периодически переносимыми с места на место. В какой-то момент в такую картонную статую обязан обратиться и сам Обломов.

А ведь в романе от Агафьи Матвеевны остаётся один только «круглый локоть», но героиня Бубеня другая. Она где-то даже агрессивна и умело затягивает Илью Ильича в болото бездействия, как будто не в первый раз занимается этим делом. Помогает ей в этом, как ни странно, Захар, сыгранный чётко и точно двумя женщинами – Ириной Волковой и Александрой Чилин-Гири. В их первое появление кажется, что перед вами предстали трупнолицыегробовщицы, вкладывающие по звуку в каждое ухо. Их голоса дополняют друг друга, создавая эхо. В финале спектакля же, после смерти Ильи Ильича на сцене подсвечивается копия скульптуры Микеланжело «Атлас», где раб пытается преодолеть тяжесть природного камня, стремится выбраться из него, встать и будто бы зажить по-настоящему, но для нас этот порыв силы, запечатлённый дух человека кажется лишь могильным камнем, ничем не отличающимся от других скульптур на кладбище. Видимо настоящая обломовщина всегда связана у Бубеня со смертью, потому что заражены этой болезнью именно Захар и Агафья Матвеевна, привносящие холодное осознание быстротечности и рутинности жизни. В отличие от них Обломов – это человек целый, настоящий, живой и мечтающий, к нему тянутся, потому что он сохранил свою душу, поэтому ему не нужно её искать, только проблема в одном: духовная глубина в русском человеке иногда не срабатывает, и судьба решает, как должно быть.